

СЫН ИРКУТСКА

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НАРОДНОГО АРТИСТА СССР Н. П. ОХЛОПКОВА

Одной из вершин в творчестве Н. П. Охлопкова в первые послевоенные годы стал спектакль «Молодая гвардия» по одноименному роману Александра Фадеева. Исполненствуя его сам постановщик, выдвинув на первый план тему герического подвига. Спектакль начинался необычно: яркий луч прожектора выхватывал из темноты комсомольский значок с профилем В. И. Ленина, раздавались звуки первого концерта Сергея Рахманинова, и в это время взмыло вверх алое полотнище Красного знамени...

Обращаясь к исполнителям ролей краснодонцев, Николай Павлович так пояснял смысл этого образа: «Знамя! Красный флаг, бьющийся на ветру! Пусть красное полотнище, как дыхание матери-Родины, живет и действует на весь спектакль, как вечное напоминание Страны Советской. Пусть оно будет животрепещущим сердцем самой жизни, ее горячими мыслями, ее великой пламенной душой...»

— Это был необыкновенный спектакль, Николай Павлович работал над ним без устали, неистово, — вспоминал народный артист СССР Евгений Самойлов, гастролировавший в прошлом году в составе Малого театра Союза ССР в Иркутске. — Мне довелось сыграть в «Молодой гвардии» одну из главных ролей — Олега Кошевого. Все мы были тогда молоды, война только что закончилась, мы вступали в мирную жизнь, думали о будущем, вспоминали недавнее легендарное прошлое. Николай Павлович буквально заражал нас своим отношением к героической теме. Не случайно в его воображении рождался такой мощный образ, как знамя. Оно определяло стиль нашей игры, не позволяло фальшивить, обязывало пропускать через свое сердце воплощаемые образы, мысли и чувства героя.

Спектакль «Молодая гвардия» стал выдающимся событием в театральной жизни страны, он определил новое направление в разработке героико-романтической темы, приверженцем и вдохновителем которой Н. П. Охлопков был всю свою кипучую жизнь. Он — ровесник XX века, ему исполнилось семнадцать, когда прозвучал залп «Аэроры», он читал первый декрет Советской власти — «Декрет о мире» подписанный В. И. Лениным. Великая революция открыла перед юным иркутянином небывалые возможности для того, чтобы поставить свой талант, отдать все свое творческое вдохновение на службу народу.

Молодой актер городского театра сам пришел к секретарю губкома партии Георгию Александровичу Ржанову со своей программой, которая как нельзя лучше отвечала требованиям времени.

О своих иркутских постановках — «массовом действии» на городской площади и спектакле «Молодого театра» — «Мистерия-Буфф» по пьесе В. В. Маяковского Охлопков говорил, что они послу-

жили началом его бесконечных исканий театра, который бы потрясал зрителей, вовлекал их в число действующих лиц, не оставляя равнодушными. Театр площадей и улиц, театр, предельно приближенный к народу, постоянно занимал его творческое воображение. Ему посчастливилось, что учителем его стал великий пеформатор сцены Всеволод Мейерхольд. Когда Охлопков почувствовал, что определил свою тему в искусстве, он ушел от учителя, чтобы на практике применять набранные им знания. В своих поисках он шел от жизни, был убежден, что «надо «вариться» в соку жизни, во всем, что связано с ней, бурной, шумной и многоголосой».

Сегодня, когда изучаешь прессу, рецензии, посвященные первым спектаклям Охлопкова, поставленным в тридцатых годах, отчетливо видишь, как легко приходилось отстаивать режиссеру свою точку зрения на сценическое искусство. Его всегда поддерживали зрители, к которым вдруг выходил Андрей Находка и передавал привет от Павла Власова в спектакле «Мать» по Горькому, пожимали руки бойцы Таманской дивизии из «Железного потока» Серафимовича... Это были «спектакли-встречи», с помощью которых Охлопков стремился обострить восприятие и отношение зрителей к происходящему на сценических площадках, вынесенным в зрительный зал.

Реконструируя спектакли Охлопкова тридцатых годов, приходишь к мысли, что идея разрушения «сцены-коробки», выноса действия в зрительный зал, впервые была обнаружена им и его единомышленниками по «Молодому театру» в Иркутске в манифесте «Молодость. Смелость. Эксперимент». Частично этот эксперимент был воплощен в «Мистерии-Буфф», но полностью — в Реалистическом театре. Все должны творить на спектакле: и актеры, и зрители — настаивал режиссер и никогда не отступал от своего символа веры. В 1940 году Николай Павлович принимал спектакли молодого театра республики за Байкал, которые предстояло показать на декаде искусств в Москве. До сих пор мастера сцены Бурятии вспоминают, как радовался и восхищался Охлопков встрече с талантами из народа. Приветствуя актеров уже в Москве, он писал: «Идеи, темы, сюжеты и образы спектаклей, которые мы увидим во время декады, — все это исполнено тем активным романтизмом, который утверждал Горький, призываю поднять искусство выше действительности и возвысить человека надней, не отрывая его от нас. Этим активным романтизмом проникнуты постановки «Энха Булат-Батор» и «Баир», полные красочности движений, глубокой поэтичности... Как важно сохранить эту непосредственность, эту горячую, наивную веру во все, что свершается на сцене, — навсегда, на всю творческую жизнь, и особенно тогда, когда придут

мастерство, огромный сценический опыт и совершенная техника».

Приверженность к предельной жизненной правде, возвышающей человека, постоянное стремление и в то же время к поэтичности, публицистичности и монументальности, высокой эмоциональности сценического искусства были особенностями режиссерского стиля постановок Н. П. Охлопкова.

— Для меня Николай Павлович Охлопков — явление глубоко национальное, — говорил его ученик, заслуженный артист РСФСР Эдуард Марцевич. — Он мыслил крупно, умел, как никто другой, подняться над обыденным, будничным. Когда мы репетировали «Иркутскую историю», то он заявил, что ее премьера состоится на берегу Ангары, где построена гидроэлектростанция. Через нас, молодых, он мечтал связаться со своим родным городом, со своей юностью. И его мечта сбылась бы, если перед премьерой он не слег в больницу. В палату мы провели ему провода и транслировали весь спектакль, который так потряс зрителей.

— И вот сейчас, когда я приехал в Иркутск, где родился, жил и начал жизнь в искусстве моей учитель, — делился своими впечатлениями в октябре прошлого года артист Малого театра Эдуард Марцевич, — то я прежде всего подошел к его бюсту, установленному в фойе театра его имени. Я сознавал, что нахожусь в особом месте: здесь, в этих стенах, он играл свои первые роли, думал о будущем, экспериментировал. Я встретился с ним, когда Николай Павлович был уже признанным мастером. Личность его всех нас потрясала. Когда он входил на обычную репетицию, то мы невольно вставали, приветствуя его. Талант Николая Павловича Охлопкова был уникальным, и мне выпало великое счастье с ним работать.

...Вместе с Э. Марцевичем мы прошли по «охлопковским» местам Иркутска. Это и улица Карла Либкнехта (б. Саламатовская), где он жил, это и театр юного зрителя, где он играл в спектаклях «Молодого театра», это, и, наконец, сквер имени Кирова, разбитый на месте бывшей Тихвинской площади, где он осуществил свою первую режиссерскую работу...

Не то ли «массовое действие» навеяло Н. П. Охлопкову образ алое знамя в «Молодой гвардии»? Ведь «Борьба Труда и Капитала» венчалась апофеозом боевым знаменем Пятой армии, под которыми ее бойцы прошли по фронтом гражданской войны и внесли в первый спектакль молодого режиссера подлинное дыхание герического, неповторимого времени!

Алое знамя революционного искусства, вдохновляемого жизнью, Николай Павлович Охлопков достойно пронес через все свое творчество.

А. СЕМЕНОВ.